

В. А. Чалый

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ
В ЛИБЕРАЛЬНЫХ
ФИЛОСОФСКИХ
ТЕОРИЯХ

Рассматривается понятие рациональности в качестве одной из базовых категорий либеральной политической философии. Вместе со свободой и равенством рациональность образует антропологическое ядро либерализма, отличающее его от других теорий. Кратко рассматривается эволюция моделей рациональности, которая во многом определяла развитие либеральных доктрин.

This article suggests that rationality has to be treated as one of the basic categories of liberal philosophy. Together with freedom and equality, rationality lies at the anthropological core of liberalism, which makes it stand out among other political theories. The development of the main models of rationality relied upon by various liberal theories is reviewed.

Ключевые слова: рациональность, либерализм, либеральный эгалитаризм, коммунитаризм, теория рационального выбора, философия Канта.

Key words: rationality, liberalism, liberal egalitarianism, communitarianism, rational choice theory, Kant's philosophy.

Либерализм часто определяют через понятие свободы. Это принято и среди тех, кто называет себя его сторонниками, и среди их противников. Но одного лишь понятия свободы недостаточно, чтобы отличить либеральную политическую теорию от нелиберальной. В самом деле, те, кто выступает под флагами социализма, тоже считают себя поборниками свободы (которая, правда, ставится ими в зависимость от равенства), а «правые» либертарианцы требуют гораздо большей свободы в области экономики, чем согласны принять либералы.

Для того чтобы различать эти главные направления западной политической философии, необходимо опереться на еще одно понятие — понятие рациональности. Вместе со свободой рациональность составляет ядро представления о человеке — антропологической модели, которая явно или неявно лежит в основе любой политической философии. Эта модель может быть более или менее прописанной в разных отноше-

ях, может оставлять открытыми для многообразия самые разные стороны, но свобода и рациональность требуют определенности. Плюрализм, на котором настаивают, например, коммунитарист Майкл Уолцер [13] и поздний Ролз [11], предлагающие строить политическую философию без общей антропологической модели, не касается этих понятий. Не имея скрытого или явного объяснения свободы (или ее отсутствия) и рациональности (или иррациональности) политическое знание останется на уровне описательном и не поднимется до теоретического.

Свобода, рациональность — понятия сложные и проблематичные, и то, как они трактуются в той или иной философской теории, во многом задает ее форму. На основе трактовок этих фундаментальных понятий и традиционного расположения политических теорий по шкале «левые — правые» можно указать место либерализма «в ландшафте» современной политической философии.

«Левые» теории базируются на идее равенства и ставят свободу в подчиненное положение. Положение рациональности в этих теориях имеет некоторую двусмысленность. С одной стороны, утверждаемая «левыми» теориями необходимость активного государственного участия в жизни общества подразумевает экономическое планирование, социальное строительство и другие процессы, основанные на способности рациональности. С другой стороны, носителем рациональности становятся сложные идеальные субъекты — государство, общество, класс, партия, а не конкретные индивиды, люди. Рациональность перестает быть непосредственно человеческой, она отчуждается и монополизирована институтами. Свойство разумности «простого» человека ограничивается, вместе с рациональностью человек теряет в ценности, достоинстве, становится предметом патерналистской опеки, овеществляется. Ограниченность рациональности является ограничением и для свободы — иррациональный индивид не может считаться свободным в законосообразно устроенном мире. В своих крайних формах такие теории приходят к оправданию тоталитарных режимов.

Точно таким же путем — от утверждения иррациональности человека к оправданию тоталитаризма — могут идти и «правые» теории. Если «левые» достаточно явно выступают за равенство, то «правые» требуют сохранения некоторого «естественного» неравенства, дать свободу силам природы. Так, либертарианцы защищают свободную конкуренцию, в которой смогут побеждать «сильнейшие» экономические тенденции и представляющие их игроки, националисты разных направлений с разной силой отстаивают «естественную необходимость» противостояния народов, религиозные консерваторы призывают верить божественному порядку вещей, и так далее. Ключевым понятием здесь, пожалуй, является свободное «естественное», в круговорот которого вовлеченным оказывается несвободное «человеческое». Иррациональная природа или сверхрациональное провидение в «правых» теориях стоят выше человеческого разума. «Правым» свойственно недоверие к человеческому в человеке.

Либерализм располагается между этими двумя полюсами. С одной стороны, либеральный эгалитаризм, пожалуй, самое влиятельное направление современного либерализма (Д. Ролз, Р. Дворкин, У. Кимлика и др.), требует от общества специальных усилий для компенсации неравенства, вызванного превратностями социального происхождения и случайным распределением природных задатков, двигаясь в сторону социализма.

С другой стороны, либеральное учение о правах человека закрепляет за ним (разнящуюся в разных доктринах, но всегда существенную) долю свободы, автономии. Коммунитаризм, возникший в 80-х гг. XX в. как критика издержек либерального индивидуализма (М. Сандел, М. Уолцер, Ч. Тэйлор, А. Макинтайр и др.), можно благодаря его общим с либерализмом философским основаниям (права человека, эгалитаризм) рассматривать как «левую» разновидность либерализма. Сторонники либерализма уверены, что занимают в спектре политических учений аристотелевскую «золотую середину», предлагая наиболее гибкое и сбалансированное сочетание двух базовых, но конфликтующих ценностей — равенства и свободы [7].

Представляется, однако, что еще более характерной чертой либерализма, разительно отличающей его от «левых» и «правых» политических учений, является его отношение к человеческой рациональности. Либерализм наследует просвещенческий оптимизм в отношении возможностей разума. Человеческая способность понимать и организовывать окружающую действительность, в том числе социальную, лежит в основе либеральной политической философии.

Пожалуй, самое глубокое исследование антропологических оснований либерализма было проделано Кантом. Два ключевых для либеральных теорий понятия — рациональность и свобода — объединены Кантом в понятии автономии субъекта. Практическая рациональность — это способность выстраивать иерархии целей, определять средства для их достижения и последовательно преследовать первые при помощи последних. Свобода — это способность начинать новые причинно-следственные ряды, исходя из внутренних причин, поставляемых разумом. Рациональность и свобода тесно связаны в том, что последовательная рациональность неизбежно ведет к моральности действий, и только моральные действия будут подлинно свободными, то есть непредопределенными природой через склонности, инстинкты, пороки и т.п. Для Канта все свободные действия по определению моральны, и наоборот, моральные — свободны, однако современные либеральные философы, как правило, избегают глубоко вдаваться в моральную философию, опасаясь обвинений в фундаментализме и нетолерантности¹, и для них первостепенной в автономии субъекта является связка свободы и рациональности.

Кантовское определение рациональности, требовавшее морального измерения, не стало самым популярным среди либеральных философов. Гораздо более востребованной оказалась упрощенная модель инструментальной рациональности классического либерализма, сформулированная прежде всего Адамом Смитом и описывающая поведение совершенно рационального субъекта, располагающего полной информацией и нацеленного на максимизацию прибыли. Эта модель экономического поведения была адаптирована утилитаристами, заменившими экономическую категорию прибыли более общей категорией удовлетворения потребности. Рациональность Бентама — это «гедонистское исчисление» стратегии, позволяющей достигнуть наиболее полного удовольствия. Более сложная концепция инструментальной рациональности была предложена Миллем в его «Утилитаризме» и в последней главе второго тома «Системы логики».

¹ Два заметных и очень разных исключения составляют Дэвид Готье [6] и Аласдэр Макинтайр [8].

Заслуга утилитаристов заключается в том, что они открыли дорогу применению моделей рациональности за пределами чистой экономики в общественных науках.

Следующим шагом в развитии либеральных теорий рациональности стало появление неоклассической политэкономии, разработанной Альфредом Маршалом, Леоном Вальрасом и представителями Австрийской школы маржинализма. Классическое понимание рационального экономического поведения и утилитаристская концепция максимизации полезности как главной цели деятельности были дополнены психологической теорией субъективной предельной полезности, и на их основе была построена комплексная экономическая теория. Если рациональность субъекта классической теории позволяет ему определять цель (максимизацию прибыли) и выбирать оптимальную стратегию ее достижения, реализуя попутно знаменитый принцип «невидимой руки», согласно которому так действующие субъекты наилучшим образом способствуют росту благосостояния общества, то неоклассическая рациональность дает возможность субъекту ориентироваться в многообразии целей, составлять из них индивидуальные сложные иерархические системы и формулировать сложные стратегии овладения ими.

Тем не менее неоклассическая модель рациональности по-прежнему считает экономическое поведение субъекта базовым — это одно из главных ее ограничений. Вопрос о допустимости рационального поведения в других сферах жизни привлекал растущее внимание, и одна из наиболее основательных попыток его решить была предпринята Максом Вебером в теории социального действия [1]. Вебер выделил две особенности социального поведения человека: во-первых, осмысленность, во-вторых, направленность на других людей. Разъясняя критерий осмысленности, Вебер говорит о процессе рационализации, происходящем на протяжении человеческой истории. Этот процесс способствует более отчетливому пониманию категорий цели, средства и действия — через средство к цели. Такую рациональность Вебер назвал «целерациональностью». В идеале рациональный человек способен выстроить цепочку рассуждения, представляющую действия, ведущие к цели, еще не предпринимая каких-либо действий. В реальности, конечно, человек не способен достичь такой степени рациональности, но подобная идеальная модель, по мнению Вебера, позволяет оценить относительную степень иррациональности действия. Он формирует шкалу рациональности, на которой располагает типы действий по степени их осмысленности и свободы от иррациональных факторов. Типы эти последовательно сменяют друг друга, в этом и заключается, по Веберу, общественный прогресс рациональности.

Исторически первый тип действия — аффективный. Аффективные действия не опираются на рассуждения, и потому иррациональны. Второй тип — традиционный. Рационализированными являются лишь некоторые его компоненты, общая же форма опирается на сложившийся шаблон. Заметное значение в действиях традиционного типа начинают играть ценности, часто выступающие как цели и тем самым сообщающие действиям некоторую ограниченную форму рациональности. Третий тип формируется на базе традиционного, когда ценности становятся основными целями, а рациональный анализ используется при выборе средств для их достижения, при осознании мотивов и т.д. Этот тип называется ценностно-рациональным. Четвертый — это уже описанный идеальный целерациональный тип.

Альтернативой теории Вебера стала появившаяся в 50-х гг. XX в. и ставшая продолжением классической либеральной линии теория рационального выбора (общий термин для ряда теорий — *public choice theory* Бьюкенена — Таллока, *social choice theory* Эрроуза, Сена, и др.). Если веберовская концепция рационального умозрительна, то теория рационального выбора нацелена на построение формальных моделей рациональности и их экспериментальную проверку. Изначально она вновь выделяет как главное экономическое поведение, однако постепенно расширяет область своего применения на все социальные науки.

Одним из пионеров этой области знания стал Гэри Беккер, вернувшийся к более узкому определению рациональности как способности максимизировать получаемые блага, прежде всего экономические, при минимуме затрат [3]. Теория рационального выбора имеет ряд существенных ограничений. Во-первых, она принимает позицию так называемого методологического индивидуализма, согласно которой социальные процессы, коллективные действия сводятся без остатка к множеству индивидуальных. Конечно, такой редукционизм был встречен критикой, указывающей на то, что макроуровневые социальные процессы имеют собственные закономерности, не сводимые к действиям отдельных акторов на микроуровне. Во-вторых, теория рационального выбора — экстерналистская, то есть принимает, что цели индивидов являются исключительно внешними. Это, разумеется, заставило критиков указать на важность внутренних целей, понимаемых, например, как психологические состояния, которые не поддаются учету средствами математического моделирования. Наконец, теория рационального выбора исходит из того, что индивид всегда обладает достаточной информацией, чтобы предпочесть один из множества предлагаемых сценариев поведения, достаточными интеллектуальными возможностями, чтобы эту информацию обработать, и достаточным временем, чтобы сделать выбор. Эти предпосылки сообщают теории рационального выбора условность, попытки преодолеть которую со временем привели к созданию теории ограниченной рациональности (Г. Саймон, Д. Канеман и др.), такими предпосылками не связанной.

В политической философии применение теории рационального выбора привело к всплеску интереса к договорным теориям: мысль о том, что индивиды, способные осуществлять рациональный выбор, способны и договориться об оптимальных принципах общественного и государственного устройства, обрела утраченную было привлекательность. Первое развернутое применение теории рационального выбора в философии было предложено Джеймсом Бьюкененом и Гордоном Таллоком в работе «Исчисление согласия»² (1962). Это была попытка «проанализировать расчет рационального индивида, когда перед ним стоит проблема конституционного выбора» [4, с. 7], то есть выбора базовых правил общественной игры. Помимо принципа методологического индивидуализма в основу теории общественного выбора лег принцип главенства частных интересов — все участники политического процесса, по мнению авторов, исходят из част-

² В русском переводе книга «Calculus of Consent» получила название «Расчет согласия» (1997), однако более точным переводом было бы «Исчисление согласия». Термин «исчисление» лучше соответствует намерениям авторов, как и подзаголовку книги «Логические основания конституционной демократии».

ных интересов и не рассматривают общественные. Общественные интересы, тем не менее, реализуются в процессе согласования частных интересов — в духе классического учения о «невидимой руке».

Новацией в политической теории стало применение Бьюкененом теории игр. В главах 11–13 «Исчисления согласия» им построены игровые модели принятия решений голосованием и проанализированы возможные стратегии поведения участников голосования, которым приходится для получения выгоды формировать коалиции. Таким образом, применение теории игр как инструмента анализа рационального поведения было перенесено из области экономики в область политики. Следующим шагом, что вполне закономерно, стало распространение теоретико-игрового подхода на политическую философию.

Самая значительная попытка применить теорию игр для анализа политической рациональности была предпринята Джоном Ролзом в его «Теории справедливости» [5]. В основе ролзовской доктрины лежит мысленный эксперимент, в ходе него субъекты, которым предстоит образовать общество, но которые лишены информации о своем будущем положении в нем, определяют оптимальные принципы его устройства. В ходе этого процесса каждый участник пытается закрепить за собой максимальную вероятность наиболее выгодного положения и, соответственно, минимизировать вероятность наименее выгодного. Опираясь на теорию игр, Ролз показывает, что оптимальной для будущих членов общества станет стратегия заключения договора, в котором основной ценностью социальных институтов является «справедливость как честность», все граждане получают равные политические права, а социальное неравенство будет оправданным только тогда, когда оно улучшает положение наименее привилегированных членов общества.

Модель рациональности, на которую опирается теория справедливости Ролза, по форме напоминает кантовскую модель. В системе Ролза двухчастный принцип справедливости выполняет функцию, сходную с категорическим императивом. Он точно так же венчает систему рассуждений, которые с необходимостью подводят рационального субъекта к принятию этого принципа. Совершенно рациональный субъект в системе Ролза выберет принцип справедливости в качестве базового, точно так же, как в системе Канта, он выберет категорический императив. Теория справедливости Ролза имеет более узкую область применения, чем кантовская система практической философии: первая остается в пределах легального³, вторая рассматривает легальное как часть морального — их можно считать теориями разного уровня, однако структурно они схожи.

В 80-х и 90-х гг. либеральная философия развивается под знаком противостояния либеральных индивидуалистов и коммуитаристов. Коммуитаризм возник в качестве критического ответа на слабость индивидуализма и не в последнюю очередь как попытка преодолеть ограниченность индивидуалистической модели рациональности. Слабость методологии

³ В работе “Political Liberalism” (1993) Ролз высказался о необходимости «разумного плюрализма», требующего от политической теории не опираться на одну «законченную» моральную доктрину, а искать «пересекающийся консенсус» для носителей множества самых разных моральных доктрин, составляющих современное общество — это фактически отказ от построения моральной теории.

индивидуализма была ясна уже в конце XIX в.: допущение того, что общество есть не более чем сумма индивидов, существенно упрощает действительность. Такая модель оказывается неспособной описывать, объяснять, прогнозировать как ряд важнейших макропроцессов, так и процесс воздействия социума на индивида. Коммунитаристская позиция в отношении рациональности подчеркивает ее зависимость от социума, говорит о существовании различных и, по мнению некоторых коммунитаристов (например, Майкла Уолцера [7] и Аласдэра Макинтайра [4]), принципиально несоизмеримых типов рациональности, присущих различным культурным и социальным объединениям. Если рассуждать о коммунитаристских взглядах на рациональность в терминах модели Вебера, то коммуитаризм указывает на невозможность целерациональной деятельности и считает ценностно-рациональную максимумом, доступным человеку. Роль рациональности в коммуитаризме сводится таким образом к выбору средств, ценности же, принимаемые индивидами за цели, формируются социумом и воспринимаются отдельными людьми с незначительной рефлексией. Критическое восприятие ценностей и выработка целей — функция интеллектуалов, но даже люди, для которых построение рациональных моделей является профессией, не способны совершенно отвлечься от ценностных структур, заложенных в них обществом.

Макинтайр в книге “Who’s Justice? Which Rationality?” [9] предпринимает попытку определить рациональность через ключевое в его философии понятие традиции. Традиция Макинтайра — это «спор, длящийся века», в котором формируется некоторая картина мира и уникальное для этой картины представление о человеческом разуме. Имея в виду прежде всего интеллектуальные традиции, Макинтайр рассматривает, как в разных системах решалась проблема справедливости, самая важная с точки зрения практической рациональности. Его вывод — современная политическая философия населена разными традициями (аристотелевской, августирианской, юмистской и т. д.), опирающимися на несоизмеримые представления о практической рациональности и, соответственно, предлагающими несоизмеримые решения этой проблемы. Макинтайр, однако, говорит о принципиальной преодолемости этих различий, возможность которой открывается в осознанном диалоге традиций. Это отличает его философию от «правых» доктрин, такой возможности не видящих. Таким образом, коммуитаризм является либеральным напоминанием об ограниченности человеческой рациональности, которую, тем не менее, можно и нужно преодолевать.

Обзор моделей рациональности, используемых в различных либеральных политических теориях, показывает, что, несмотря на ограниченность этих моделей и их уязвимость для критики, рациональность — базовая категория, антропологическая аксиома либеральной политической философии, отличающая ее от других политических доктрин.

Список литературы

1. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения. М., 1990.
2. Кант И. Метафизика нравов // Собрание сочинений: в 6 т. М., 1963. Т. 4, ч. 2.
3. Becker G. A Theory of Social Interactions // Journal of Political Economy. 1974. 82(6). P. 1063–1093.

4. *Buchanan J., Tullock G.* The Calculus of Consent // The Collected Works of James M. Buchanan. Indianapolis, 1999. Vol. 3.
5. *Dworkin R.* Taking Rights Seriously. Cambridge; MA, 1977.
6. *Gauthier D.* Morals by Agreement. Oxford, 1986.
7. *Kymlicka W.* Contemporary Political Philosophy. Oxford, 2002.
8. *MacIntyre A.* After Virtue. Notre Dame, 1981.
9. *MacIntyre A.* Whose Justice? Which Rationality? Notre Dame, 1988.
10. *Rawls J.* A Theory of Justice. Cambridge; MA, 1971.
11. *Rawls J.* Political Liberalism (Paperback edition). N. Y., 1993.
12. *Taylor C.* Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge; MA, 1989.
13. *Walzer M.* Spheres of Justice. N. Y., 1983.

Об авторе

Чалый Вадим Александрович — канд. филос. наук, доцент кафедры философии Балтийского федерального университета им. И. Канта, vadim.chaly@gmail.com

About author

Dr Vadim Chaly, Associate Professor, Department of Philosophy, IKBFU, vadim.chaly@gmail.com